

Анастасия
Князь

СКИТАЛЕЦ

Божественные
проповеди

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К54

Анастасия Князь
СКИТАЛЕЦ. БОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОПОВЕДИ

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Нины Пунии (Inferno Tea)*

Дизайн переплета *Александра Шпакова*

Князь, Анастасия.
К54 Скиталец. Божественные проповеди / Анастасия Князь. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Страшные сказки со всего света. Ретеллинги).

ISBN 978-5-17-185036-4

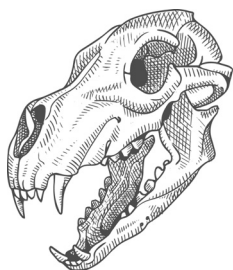
Три сотни лет минуло с тех пор, как взошло на небе Чёрное Солнце и боги прокляли людей, обратив тех, кто таил в сердце порок, в чудовищ. Тогда, отринув Старых богов, выжившие избрали нового — Единого Бога, — моля его о спасении. И Церковь даровала людям защитника — проклятого, наречённого именем Скиталец. Так эту историю и по сей день рассказывают единоверцы, утаивая, сколько действительно в ней правды и лжи.

Морен в сам деле проклят и убивает тех, с кем одной крови. Простой люд зовёт его Скитальцем, а Церковь величает сыном своим. Но в один миг оборачивается против, когда он решает спасти безвинную жизнь — ребёнка, похожего на него самого. В стенах Церкви раскол, но сила её велика, и одно слово архиерея может обратить против Морена всю Радею. Но борьба идёт не столько за жизнь, сколько за право называться человеком. И чтобы сохранить себя, Морену придётся окунуться в прошлое, воскресив в памяти того, кто сделал его таким.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185036-4

- © Анастасия Князь, 2026
- © Кирилюк Д. (Bagriel), иллюстрация на нахзаце, 2026
- © Кейн А., иллюстрация на форзаце, 2026
- © Яблокова Д. (Darya Bler), внутренние иллюстрации, 2026
- © ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

МИНУВШЕЕ

302 год Рассвета

Он лежал посреди пепелища, и боль сковывала каждый лоскут тела. Не пошевелиться. Слезящиеся глаза смотрели в серое небо и почти ничего не видели. Рядом фыркнула лошадь — настолько близко, что обдала ухо горячим влажным дыханием. А потом были руки, оторвавшие его от земли и поднявшие в воздух с такой лёгкостью, будто он ничего не весил. Так странно: он не помнил ни лица, ни прикосновений родного отца, но по сей день помнил эти руки, доставшие его из-под развалин сгоревшего дома. Его дома. Где-то там, под обломками, спала мама. Он знал, она уже не проснётся, но горе почему-то не душило. В груди был тот же пепел: сухой и безжизненный.

Когда он попытался заговорить, с губ сорвался лишь силпый свист, и мужской голос молвил:

— Тихо. Побереги силы. Ещё лучше — поспи.

И он послушался. Прикрыл веки и провалился в сон, блаженный тем, что дарил забытьё.

Когда он очнулся, уже стояла глубокая ночь, а меж ним и незнакомцем горел костёр. Из походного котелка валил пар и исходил запах съестного. Чёрная лошадь,

сливающаяся с тенями, паслась неподалёку и время от времени фыркала, будто ей не нравилось то, что попадалось в траве.

Он попытался подняться и обнаружил, что плотно закутан в громоздкий плащ, а лицо стягивает нечто, мешающее полноценно видеть. Выпутал руки и увидел, что те до самых локтей обёрнуты полосками льняной ткани. Прикоснулся к лицу и, конечно, нащупал такие же.

— Болит? — раздался тот же мужской голос от костра.

— Уже нет, — зачем-то соврал он.

— Я обработал ожоги. Мазь должна охладить раны и унять боль, поэтому не срывай повязки. Но менять придётся каждое утро и вечер.

Конечно, он понял, кто перед ним. Все знали, как выглядит Скиталец и что он такое — чудовище, по каким-то своим причинам вставшее на защиту людей от нечисти. Тёмная фигура его казалась такой огромной... Хотя мальчишке в его восемь лет почти все ратники виделись громадными чудищами, особенно те, кто носил доспехи и меч. На Скитальце доспехов не было, но от него так и веяло угрозой. Да только не массивная фигура и тёмные одежды пугали народ, а маска на нижней половине лица и широкополая шляпа, отбрасывающая тень на глаза. Много ходило слухов о том, что скрывается за ними, какое уродство вынуждает Скитальца прятать лицо. Мальчишка видел его ещё давеча, накануне пожара. Тогда испугался пуще лешего, а теперь... Сил не осталось, боль все прочие чувства затмила. И страх перед проклятым, сковывающий прежде, отступил. А всё же поднять взгляд и заглянуть в глаза его не решался.

— Вы Скиталец, верно? — спросил он робко.

И поёжился, кутаясь в чужую одежу.

— Верно, — ответил тот, помешивая варево в котелке.

— Почему вы не съели меня?

Из-под маски раздался смешок.

— Я не ем детей. А вот тебе не помешает поесть. Садись ближе к огню, согреешься. Да и каша почти готова.

Мальчик послушался. Память о заботливых, осторожных руках ещё была свежа, и хотелось довериться. Да и кому ещё?

— А что с мамой? — спросил он, в глубине души надеясь, что не получит ответа.

— Сам как думаешь? Сгорела, как и все. Нет больше Смурога, — поведал тот и об участи его деревни.

— Почему я жив?

Скиталец усмехнулся, накладывая в миску кашу из котелка.

— Видать, Морена тебя бережёт.

Морена. Стоило ли удивляться, что тот, кому больше трёх сотен лет, поминает старого бога, а не нынешнего? И всё равно имя древней богини неприятно резануло слух.

Выжил-таки. Даже сейчас выжил.

Скиталец протянул ему кашу, наложенную с горкой, и деревянную ложку. Мальчик принял угощение, но горячая миска обожгла пальцы и показалась неподъёмно тяжёлой. Он едва не выронил её и спешно поставил на колени, пока не опрокинул. Неужто настолько ослаб? Руки не слушались, пальцы сгибались с натугой — ложку и ту не удержать.

— Вы есть не будете? — поинтересовался мальчишка, стараясь скрыть, что и простая трапеза оказалась ему непосильной.

— Нет, не буду.

— А... куда мне теперь?..

— Со мной поедешь. Дальше посмотрим.

ТЕКУЩЕЕ

337 год Рассвета

Мóрен распахнул глаза и прислушался, как сердце неистово бьётся, словно после кошмара. Пробуждение вышло резким и на редкость паршивым. Пепелище, костёр, скромный ужин на опушке леса — всё это дурной сон. Почему сейчас? Зачем он вдруг вспомнил этого мальчишку? Всё равно тот сгинул много лет назад.

В окно светило весеннее солнце, а значит, час уж поздний и пора вставать. Обычно ночевать ему приходилось в лесу, но давеча остановился на постоялом дворе. Кровать оказалась жёсткой, настил из соломы — худым и затхлым, но только в жилых домах и трактирах Морен мог провалиться в настоящий сон вместо настороженной полудрёмы.

Казалось бы, отличная возможность как следует выспаться и отдохнуть, но крепкий сон неизбежно тянул за собой сновидения. А те он ох как не любил. Поэтому почти всегда предпочитал колючий ельник удобной постели и лесную тишь шумному и неугомонному люду. Но на сегодня в этом трактире давний знакомый назначил ему встречу, и, приехав накануне, Морен решил не мудрство-

вать и не создавать себе проблем: остановился тут же. Карман уж несколько недель жгла грамота, на которой неровно плясали всего две строчки:

«Приезжай под Дубрав, на постоянный двор в селе Путеевка. Буду ждать тебя там...» и дата.

Без подписи, но Морен сразу узнал почерк Радима, знакомый ему с младых лет. Станным казалось письмо, а сны о прошлом, которые порой терзали хуже всякого кошмара, лишь усугубляли и без того дурное расположение духа.

Снятую комнату он покинул лишь во второй половине дня всё в том же скверном расположении духа. Спустился в обеденную залу, занял единственный пустующий стол в пыльном углу и принялся ждать. Хозяин не спешил подходить к нему, да и славно. В преддверии Масленицы народу набилось, как сельди в бочке, а к вечеру их станет и того больше. Ещё вчера, сдавая ему комнату, хозяин предупредил, что может уступить её лишь на одну ночь, но Морен и не собирался задерживаться. Встретится с Радимом, узнает, что тому нужно, да и отправится дальше в путь куда глаза глядят. Или куда направит Единая Церковь...

Обычно отец Радим, священник* Единой веры, принимал его у себя в келье, в стенах церкви, в которой служил и заведовал приютом при монастыре. А тут попросил встречи на людном постоялом дворе, да ещё близ старейшего и крупнейшего града. А ведь знал, что к праздникам народ стекается в города на ярмарку и пиры, от путников не протолкнуться. Путеевка расположилась у самого трак-

* Священники — служители Единой Церкви, что исповедует веру в Единого Бога. Поскольку считается, что небесное солнце — это лик Единого Бога, что следит за людьми и их деяниями, правильное написание именно «священники», как производное от «освещённые» или «свет».

та в Дубрав, который и в обычные-то дни привлекал людей со всей Радеи, а уж теперь... Или Радим на то и рассчитывал? Странно всё это было, оттого тревога и дурное предчувствие занозой засели в сердце, несмотря на погожий солнечный день и радость на лицах простого люда.

Морен оставил Куцика — большую хищную птицу и своего извечного спутника — в комнате, дабы тот мог поспать в тишине и не привлекать излишнего внимания. И всё равно нет-нет да косился на Морена заезжий люд, на его чёрные одежды и маску на пол-лица, узнавая и примечая. И никто не спешил занять место за одним с ним столом, хотя за соседними они заканчивались стремительно быстро. Скитальца боялись, сколько бы сил он ни прикладывал из года в год, пытаясь доказать, что совсем не тот, каким его видят, что не враг он людям и не чудовище вовсе. А всё тщетно.

На скамью напротив опустился старик в распахнутом зипуне, из-под которого выглядывали лохмотья. Лицо его скрывала тень безразмерной, падающей на глаза драной шапки. И всё же Морен узнал старого друга, только подивился: неужто за те годы, что не виделись, он так постарел? Или серые поношенные одежды добавляли ему лета? Всё же привык Морен видеть его в золотых да белых мантиях священника. Радим ведь уже лет двадцать служил под Берестом, заведую тамошной епархией и монастырём. Получалось, ему уж шестой десяток минул, если Морен помнил верно.

Крупный, округлый в боках мужчина, но с уже обвисшими щеками и морщинистыми ладонями. Когда Радим был молод, Морен сравнивал его фигуру и улыбчивое румяное лицо с пышной сдобой. Теперь он казался ему не пропечённым тестом, которому придали форму человека. Радим отвёл шапку назад, открывая глаза, и Морен при-

метил, как те выцвели и стали похожи на выгоревшую, пожухшую траву. Брови побелели, лучики морщин стали глубже. Но Радим всё так же тепло, радушно улыбался, лишь тень усталости залегла под глазами.

Как же сильно он изменился... Морен ещё помнил его цветущим и молодым, а теперь напротив сидел увядающий старик. Время текло неумолимо, но только не для него. В отражении в воде он видел то же, что и в день своего обращения, и только на лицах дорогих ему людей замечал ход времени и течение лет. Никогда ещё смерть не казалась ему такой неизбежной и пугающей, как сейчас. Видя её каждый день, Морен очерствел и охладел к ней, она перестала трогать сердце. Но сейчас, в печати старости, он словно увидел её лицо впервые и ощутил животный страх. Не своего конца он страшился, а потери тех, кто дорог ему, к кому он привязался. Никто не мог избежать смерти, даже ведя спокойную и тихую, размеренную жизнь. А он был так рад обманывать себя до сих пор.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — поприветствовал Радим, протягивая Морену обе кисти.

Тот подал руку в ответ, и Радим сжал её в ладонях.

— Хотел бы я сказать о тебе то же. Но твой внешний вид вызывает массу вопросов.

— И я на все отвечу. Ну, или на часть из них. Но для начала закажи мне, пожалуйста, чего-нибудь горячего. Вроде весна скоро, а воздух всё ещё стылый.

Корчмарь принял заказ, но с недовольством предупредил, что нести будет долго. Зато согласился налить горячего сбитня, чтобы гость Скитальца «смог прогреть старые кости». Радим, казалось, вовсе не обиделся на прямооту и только радушно поблагодарил, когда им принесли питьё.

Морен сдержанно отвечал на вопросы о своих делах и здоровье Куцика, а сам наблюдал украдкой. Радим снял

зипун, но оставил шапку, хотя уже изрядно вспотел под ней. Прятал бритую голову священнослужителя? Наверняка. Скрывался, выдавал себя за другого и всё оттягивал разговор пустой болтовнёй.

Наконец корчмарь принёс им горячих щей да запечённого судака и ушёл по своим делам, тем более что постоянный двор к сему часу уже ломился от людей, ищущих к вечеру горячий ужин и кров на дороге в Дубрав. Радим долго дул на дымящийся суп, прежде чем зачерпнуть его ложкой, и Морен не выдержал:

— Так ты расскажешь, что забыл здесь, под Дубравом?

— Тебя искал, — без утайки ответил Радим. — Хотел без лишних глаз поговорить.

— Почему здесь, а не в каком-нибудь лесу?

— Что я тебе, молодуха какая — по лесу шастать? — возмутился Радим до глубины души. — Я ж от медведя не убегу, случись чего.

Морен усмехнулся. Радим помолчал, хлебая щи, и вдруг добавил со всей серьёзностью:

— Тут пред ярмаркой легко в толпу затесаться. Да и проще объяснить, чего это я в Дубрав захотел, а к лесу... кто же меня проводит?

— Я мог приехать к тебе в Берест. Или в любое другое село под ним.

— Мог, но там бы я с тобой о таких вещах говорить не стал. В городах у Церкви везде глаза и уши. Я сам за них, но и другие тоже. Никогда не знаешь, кто кому сболтнёт, чтоб перед архиереем выслужиться. А здесь кто нас слушать станет? За чужим гвалтом я и себя едва слышу.

— А архиерею, значит, о нашем разговоре знать не стоит?

Радим промолчал, и это стало самым исчерпывающим ответом.

— Во что же ты ввязался? — тихо молвил Морен, медленно осознавая всю серьёзность положения.

— Пока ни во что. Но тебя хочу втянуть, это правда. Здесь, дальше на севере, на реке Смородине, есть остров и деревушка Камыш на нём. Там живёт мальчик... Хотя сейчас он уже взрослый юноша, поди... Когда-то очень давно, лет пятнадцать назад, его родители обратились ко мне за помощью. Дитя их родилось необыкновенным, и они желали знать: дар то божий или Проклятье. Я не увидел в мальчике зла или хоть проблеска оного. Чудесный, милый ребёнок, как и все. Но он отличался от остальных. Родители приняли его, а вот люди... люди могли не понять. Поэтому я посоветовал им уехать и спрятать дитя подальше от глаз.

— А что с мальчиком? Уродец, как тот...

— Нет, вовсе нет! — спешно перебил Радим. — Не недуг то, просто... необычен он. Редко такие рождаются, я и не слыхивал прежде. Ты всё поймёшь, как только увидишь его. Но не суть важно, я продолжу, с твоего позволения. Камыш тогда только-только обживался, с первыми дворами возвели и махонькую часовенку. Отправленный туда на служение епархий взял семью с собой по моему поручению. Первые лета я ещё следил за ними, справлялся об их благополучии и знал, что всё у них хорошо. Но недавно друг мой, что присматривал за ними все эти годы, перестал отвечать мне, и связь с ними я потерял. Теперь хотел бы, чтобы ты проведал и его, и их да передал мою весть. Доверенный гонец надёжнее любого письма.

— Почему я? Отправь к ним Охотников.

— В том-то и дело. — Радим опустил взгляд и понизил голос: — Их уже отправили. Архиерей послал за мальчиком, велел отыскать и привезти к нему. И в том моя вина. Я рассказал о нём.

Повисла тишина. Нетронутая Мореном еда остывала, и только Радим ещё хлебал потихоньку щи, уже вовсе без аппетита. Взгляда от тарелки он более не поднимал, будто груз вины тянул его к земле. А Морен всё не мог взять в толк, почему он говорит об этом так, словно подписал ребёнку смертный приговор?

— Зачем? — Морен наконец выбрал, с чего начать расспросы. — И что в этом такого ужасного?

— Хотел защитить другого ребёнка, — покаялся Радим. — К нам принесли девочку с тем же недугом, совсем малютку. Бросили под дверью монастыря. Её нашли, и началась свара, все пытались решить, что делать с ней. Когда зазвучали предложения бросить её в костёр, как нечистую тварь, я вмешался и рассказал, что уже видел похожее. Что мальчику тому уже пятнадцать лет и он растёт как самый обычный ребёнок. В итоге голоса тех, кто предлагал оставить её и воспитать в лоне Церкви, оказались громче тех, в коих звенел страх. Но спустя несколько недель архиерей вызвал меня к себе. Он прознал о случившемся и желал знать всё о девочке и о том мальчике. Я не понимал, зачем ему это, и, хоть старался быть осторожен в высказываниях, ничего не скрывал. После нашего разговора малютка пропала. О ней запретили говорить и вспоминать. А затем Охотников отправили в Камыш.

Морен слушал и всё сильнее ощущал растерянность. Он не единожды слышал о нынешнем архиерее — Родионе Речистом, — но редко что-то дурное. Тот занимал должность без малого десять или пятнадцать лет и пользовался недюжинным уважением и благоговейным восхищением у всех, кто знавал его лично. Служил Родион в Липовце, где располагался главный храм Единой веры. Но ни Дубрав, ни Берест, ни тем более Липовец Морен не жаловал, как и все прочие крупные города Радеи, чувствуя себя за

их стенами, как дикий зверь на царском пиру. А потому без веской надобности старался там не бывать.

— Я знаю Родиона уже много лет, — подняв воспалённые глаза, взволнованно забормотал Радим. — И знаю, о чём говорю. Ничего просто так этот человек делать не станет. Не совпадение это, что девочка пропала и тут же велели разыскать мальчика. Да и зачем посылать за ним не абы кого, а самих Охотников? Архиерей мог направить письмо, и тамошний епархий сам доставил бы мальчика к нему. А будь ребёнок этот опасен для окружающих, давно уж стало бы о том известно. Нет, тут что-то другое, не заботой о людях продиктованы его указы.

Радим затравленно огляделся, будто почувствовал: их кто-то подслушивает и готовится немедля доложить обо всём архиерею. А Морен наблюдал за ним, и холодок пробирался под кожу: что же происходит в Липовце и за стенами Церкви, что его старый друг — всегда улыбчивый и любящих всех и вся, ни разу не сказавший о ком дурного слова — так напуган?

— Хорошо, а что потом? — задал Морен мучивший его вопрос. — После того, как я найду их?

— Отсюда до Камыша рукой подать, а конь твой быстрее тех, коих выращивают для нужд Церкви. Найди мальчика прежде Охотников, увези и доставь в Каменьград. К поздней весне доберётесь, как раз лёд сойдёт. Я договорюсь об остальном: его посадят на корабль и отвезут в Заморье. Только там архиерей не сможет его достать.

— Ты предлагаешь мне, — хриплым голосом переспросил Морен, — пойти против архиерея? Против Единой Церкви?

— Не против пойти, — покачал головой Радим, — а безвинную жизнь спасти.

— Ты будто уже заранее его хоронишь.

Меж ними повисла тишина. Балагурил народ, ругался на что-то корчмарь, гудели разговоры, точно пчёлы в улье, и изредка вспыхивал смех. Но Морен ощущал тишину меж ними давящей, словно могильная земля. Радим прятал глаза, будто стыдно ему было, неясно только, за что и перед кем. Не дождавшись ответа, Морен усмехнулся горько, и Радим глянул на него с немим укором.

— Что происходит? Ты можешь мне всё рассказать?

— Что мог и знал, я уже рассказал, — оправдался Радим. — Остальное лишь домыслы. Не могу я сказать тебе, что не так с мальчиком. Либо не поверишь мне, либо подслушает кто и ещё хуже станет. А что у архиерея на уме, мне и вовсе неизвестно. Быть может, я зря воду мучу, но так мне спокойнее будет. Знаю, о многом прошу тебя — о слишком многом. Но больше некого просить. Если и поймёт кто, если и справится — то только ты. Выполни просьбу старого друга. Клятву даю, что последнюю, ни о чём вовек тебя больше не попрошу.

Морен покачал головой, отказываясь от его глупой клятвы, а на словах пообещал сделать всё, что в его силах. Знал же, что при любом раскладе не сможет отказать Радиму. Только не ему.

Последующий разговор был больше деловым. Радим объяснил, как добраться до нужного острова и деревеньки на нём, к кому обратиться и как звать семью, к которой он его отправлял. Научил, что сказать, чтоб они его приняли и не прогнали со своего порога. Расписал, что делать, когда доберутся до Каменьграда, и к кому в случае чего обратиться за помощью. Наказал держаться подальше от церквей, трактов и крупных поселений, а от городов тем более.

Когда всё уже было улажено и остывший ужин съеден, Радим засобирался в дорогу. От ночлега отказался, хотел

было заплатить за еду, но Морен не позволил. Тогда старый друг одарил его улыбкой — прежней: тёплой и ласковой. Сложил пальцы горстью и очертил пред Мореном круг, благословляя его.

— Береги себя от зла, что прячется в тенях и в первую очередь — в людских сердцах.

И распрощался с ним, спеша поскорее убраться прочь.

